

Вег. Москва - 1994 - 12 мая - с.4

УЧИТЕЛЬ ПО ПРИЗВАНИЮ

Это произошло в начале пятидесятых годов. Я был направлен на практику во Всероссийское театральное общество. Оно еще не оправилось после тяжелого нокаута, полученного в незабываемом сорок девятом в связи с разгромом «банды безродных космополитов». Секция театральных критиков за ненадобностью оказалась распущена, чтобы не сказать разгромлена. Однако потребность в обсуждении спектаклей сохранилась. Особенно в провинции.

Но волонтеров в космополиты не находилось. И потому руководство ВТО вынуждено было просить актеров и режиссеров московских театров время от времени совершать короткие вояжи в близлежащие города в качестве ... критиков. (Впрочем, если вы полистаете подшивки газет тех славных лет, то в качестве театральных рецензентов найдете выступления слесаря-карусельщика, маляра, каменщика, пекаря, водителя, повара, в крайнем случае, швеи-мотористки — словом, людей разных профессий. Кроме, естественно, одной. Не с той ли поры театральный критик так и не значится в нашем официальном справочнике профессий?).

И надо же было, чтобы именно в этот момент меня потянуло к столь опасному занятию. Мой добрый ангел Юлий Германович Шу в ту пору заправлявший всеми делами ВТО, какое-то время тщетно пытался меня образумить: дескать, есть много других возможностей применить свои знания и любовь к театру. Но как всякий девятнадцатилетний человек, я был неумолим и настойчив. И Шуб не выдержал. Правда, он командировал меня не одного, а присоединил к режиссеру Художественного театра Виктору Карловичу Монокову, предварительно заручившись его согласием. Мне было велено познакомиться с ним в поезде по дороге в Иваново и слушаться во всем беспрекословно.

К моему удовольствию, Виктор Карлович оказался милым, интеллигентным, предупредительным сравнительно молодым человеком — он был всего на десять лет старше меня. И потому мы сразу же подружились, а не просто нашли общий язык. В Иваново, где Монокова хорошо знали и любили, он всячески старался мне помочь.

— Хотите, начинайте вы. Не хотите, я могу начать.

— Как только кто-нибудь из хозяев задавал мне «вредный вопрос», вроде «сколько вам лет» или «когда вы окончили институт», Виктор Карлович тут же переводил разговор на другую тему. А когда во время обсуждения один из актеров позволил себе выпад в мой адрес, Моноков так остроумно и тактично ему ответил, что я запомнил урок этот на всю жизнь.

Мы вместе ездили затем еще не раз. Но наша дружба строилась вовсе не на этих путешествиях. Я стал регулярно бывать на за-

нятиях «Карлыча», как звали его студенты Школы-студии при МХАТе, где в то время у него еще не было собственного курса. Позже он станет и профессором, и заведующим кафедрой, и заслуженным деятелем искусств РСФСР. Поставит самостоятельно несколько спектаклей во МХАТе, в том числе и «Дорогу через Сокольники» В. Раздольского, где фактически состоятся театральные дебюты молодых Леонида Харитонова и Нины Гуляевой. Где сыграют свои любимые роли Владимир Муравьев, Вера Бендина, Валентина Деметрива, Анастасия Георгиевская. Спектакль подвергнется несправедливым нападкам критики, что не помешало ему, кстати, за сравнительно короткий период выдерживать свыше четырехсот аншлагов!

Моноков часто выезжал на постановки в другие города и страны. Охотно работал на телевидении и радио. Особая его страсть — Пушкин. Его он боготворил и знал до малейших деталей; каждое лето ездил в Михайловское, чтобы еще раз соприкоснуться с поэтом.

Как педагог он принимал участие во всевозможных международных семинарах и школах, где мастера сцены из разных стран мира хотели поближе познакомиться с Системой Станиславского.

Шесть раз он набирал и выпускал через четыре года свой курс во мхатовской школе. Седьмому не повезло: не про-

учившись и года, они лишились своего руководителя...

Ровно десять лет назад, за месяц до своего шестидесятилетия, Моноков отправился по приглашению Украинского театрального общества на встречу с педагогами Киевского института. Но... встрече той не суждено было состояться: отказало сердце.

Не первый раз задаюсь я вопросом: что остается людям? И каждый раз убеждаюсь: что отдашь, то и останется. Когда осенью минувшего года на полувековом юбилее мхатовской школы среди имен безвременно ушедших было названо и его, зал взорвался. Такое нельзя ни организовать, ни подстроить. Можно лишь заслужить. Ведь он начал преподавать, едва сам получил диплом. Следовательно, знал здесь каждого. И вот теперь чувства его многочисленных учеников на какое-то мгновение саккумулировались в огромном мхатовском зале...

Борис ПЮРОВСКИЙ.

